

ІСТОРИЧНІ НАУКИ

УДК 930.1(477)«1917/1922»:323.1

Солдатенко В.Ф.

Новітні тенденції та актуальні проблеми історіографічного освоєння досвіду Українського національного руху у 1917–1922 роках*

Розглядаються актуальні проблеми та тенденції історіографії Українського національного руху 1917–1922 років. Обґрунтовані основні підходи до висвітлення історії цього періоду.

Ключові слова: історіографія, Український національний руху 1917–1922 рр., тенденції, проблеми.

(стаття друкється мовою оригіналу)

Сегодня можно смело говорить о том, что изучение истории национально-освободительного движения в 1917–1922 годах выдвинулось в число наиболее актуальных проблем украинской историографии последних двух десятилетий. Во всяком случае, в количественном измерении публикации по этой проблеме могут соперничать с любой иной, с любым иным историческим периодом и в результате, в сравнении с ними, несомненно будут претендовать на одно из первых мест.

Объясняется это, думается, главным образом, следующими обстоятельствами.

Прежде всего, сравнительно более серьезными противоречиями, и даже противостояниями, доходящими до антагонизма, которые сложились в прошлом между советской историографией и украинскими зарубежными диаспорными исследованиями.

* Стаття представляє собою оброблену стенограму доповіді В.Ф.Солдатенко на російсько-українському коллоквиумі «Українське національне руху в 1917–1937 рр. (стання досліджень і нерешені питання)», Москва, 20 лютого 2009 р.

Социальная концепция революции (последовательное осуществление Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революции, защита завоеваний последней от внутренних врагов и внешних агрессий) отводила национальным движениям второстепенную, подчиненную роль, квалифицировав их одним из демократических потоков, которые в итоге были подчинены большевистскому влиянию и влиты в общий поток социалистической революции. Те же, кто оказался на иных позициях (представители, главным образом, национальной политической элиты, интеллигенции, приверженцы создания собственных национальных государственных образований, те, кто к ним сочувственно относился, или тем или иным образом был втянут в процессы национально-государственного определения), огульно объявлялись лагерем буржуазно-националистической контрреволюции, который разошелся с трудящимися элементами своих наций (их, естественно, было подавляющее большинство), потерпел закономерное поражение.

Противоположных взглядов на революционный процесс 1917–1922 годов придерживались идеологи, лидеры, участники национально-освободительных движений, в том числе и украинского. Потерпев поражение и оказавшись за пределами Родины, они попытались изложить свое видение происходивших в революционную эпоху событий в огромном количестве исторических, публицистических, литературных, мемуарных трудов, что составило целый, по-существу громадный историографический пласт. Лейтмотивом этих трудов явилась концепция Украинской национально-освободительной (национально-демократической революции). В представлении М.Грушевского, В.Винниченко, П.Христюка, Д.Дорошенко, И.Мазепы, Н.Шаповала, М.Лозинского и многих других талантливых ученых и публицистов события 1917–1920 годов в регионе – это высшая фаза национально-освободительного движения, которое приобрело такой размах, остроту, целенаправленность, увенчалось такими масштабными, глубинными сдвигами во всех сферах общественной жизни, которые могут с полным правом именоваться «возрождением нации», подпадают под критерии понятия национально-освободительной революции [1].

Аргументы при этом были отнюдь не абстрактными. Ну, хотя бы наличие сразу нескольких национальных партий (Украинская социал-демократическая рабочая партия, Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская партия социалистов-федералистов, Украинская партия социалистов-самостийников и другие), которые главной программной целью выдвигали решение украинского вопроса, возрождение национальной государственности, что с весны 1917 года прочно легло в основу платформы (концепции) особой, собственной, Украинской революции. Вокруг лозунгов этой платформы объединялись миллионные массы украинской нации, а их вовлечение в общественную жизнь обусловило создание собственной государственности – Украинской Народной Республики (двух «изданий» – времен Центральной Рады и Директории). В западном регионе революционные подвиги привели к образованию Западн-Украинской Народной Республики, ее объединению с УНР (Акт соборности 22 января 1919 г.). Даже антипод народоуправной УНР – авторитарно-монархическая модель гетьманской Украинской Державы П.Скоропадского оформлялась на национальной почве.

Да и Украинская социалистическая советская республика явилась своеобразным компромиссом между главным достижением национальной революции – УНР и завоеваниями социальной революции – советской властью. Своеобразной данью национальной революции, разумной политической уступкой ей было и официальное название Советской Украины в конце 1917 – начале 1918 года – Украинская Народная Республика.

Абстрагируясь от других аргументов, анализа всех возможных про и contra, думается, на основе адекватного восприятия жизненных реалий 1917–1920 годов, можно согласиться с правомерностью квалификации тогдашних событий в Украине как национально–освободительной революции.

Распад СССР, оформление независимого Украинского государства в 1991 году, его становление сопровождалось решительной ломкой бытовавших до того времени стереотипов. Не обошла эта тенденция и украинскую историческую науку. Нарботки советской историографии в одночасье были провозглашены ненаучными, конъюнктурными, заидеологизированными. Их решительно «отодвинули в сторону», а в образовавшийся вакуум бурно хлынули концепции диаспорной литературы. Они очень быстро заместили собой сущностные достижения историографии предшествующего периода. Нередко это делалось механически, без сколько–нибудь вразумительной мотивации или убедительных доводов.

С этого момента события в Украине 1917–1920 годов стали рассматриваться все больше, а затем и исключительно под углом зрения национального освобождения. Как определенную временную реакцию на предшествующую научную неадекватность, жесткую концептуальную ограниченность это можно если не оправдать, то, во всяком случае, понять или объяснить.

Чуткая к новациям, жаждущая постижения неведомого (отчасти недоступного и даже запретного) научная среда с энтузиазмом занялась разработкой неосвоенных пластов. Произошел своеобразный публикаторский и исследовательский бум.

На сегодня осуществлены результативные шаги в освоении источниковой базы, особенно того сегмента, который в советское время почти не вовлекался в научный оборот. Речь идет о материалах, в которых отразилась деятельность национальных партий и организаций, государственных центров, политических систем, порожденных Украинской революцией. Это, прежде всего, издания, связанные с функционированием Центральной Рады, Директории, развитием национально–освободительного движения [2]. Определенную информационную ценность имеют и обнародованные документы гетманского периода [3].

Большой размах приобрели перепечатки разнообразного политико–публицистического наследия лидеров украинского движения – М.Грушевского, В.Винниченко, С.Петлюры, Д.Дорошенко, И.Мазепы, М.Шаповала, государственных деятелей П.Скоропадского, В.Липинского и др. [4].

Продолжают выходить многие мемуарные и дневниковые работы как упомянутых выше, так и других участников событий [5].

Немало делается и для издания в Украине тех трудов о процессах 1917–1920 годов, которые впервые увидели свет за рубежом [6].

Следует отметить, что государственные, идеологические институты привлекали внимание к событиям 1917–1920 годов, стимулируя массовое общественно–политическое реагирование соответствующими документами (постановлениями) наивысшего уровня, организацией массовых мероприятий и т. п. [7].

Означенное, естественно, сказалось на масштабности собственно исследовательских усилий. На протяжении 1991–2006 годов защищено более 350 докторских и кандидатских диссертаций с проблематикой революционной эпохи. Налицо явная тенденция к умножению работ в данной сфере. Так, если за десятилетие (1991–2001 гг.) было подготовлено 135 кандидатских и 17 докторских диссертаций, то только за последующее пятилетие эти показатели составили соответственно 171 и 20 [8].

Начиная с 1991 года, выпущено сотни книг и брошюр, тысячи статей, которые так или иначе анализируют события в Украине под углом зрения национально–демократической революции [9]. Только в вышедшем еще в 2001 году тематическом библиографическом указателе зафиксировано около 7 тыс. позиций [10].

По ходу накопления историографической базы делались промежуточные попытки оценки подвижек, достижений, обозначения возникавших проблем, критического реагирования на проявление негативных тенденций [11]. Опираясь на достигнутые коллективные результаты, сегодня, думается, можно констатировать следующее.

Национально–освободительное движение в своем высшем проявлении – Украинская революция – как исторический феномен и правомерный объект изучения, нашло свое довольно обстоятельное, глубокое исследование. Предмет в целом и его многие и многие составляющие исследованы детально, предметно, отчасти – исчерпывающе.

Это касается идейно–теоретических обоснований, программных целей, стратегии и тактики освободительной борьбы, ее стадий (периодизации в том числе), характеристики и оценок содержания всех, без исключения, этапов развития, выяснения причин определенных успехов, как, в равной степени, и неудач, поражений.

Однако, в плане обозначенной темы представляется целесообразным сконцентрировать внимание на ряде возникших проблем, на тех вопросах, которые все еще ждут своего конструктивного научного решения.

Приходится констатировать, что оправданная до определенных пределов повышенная активность в отношении изучения опыта национально–освободительного движения переросла в его абсолютизацию относительно исторического этапа развития Украины в целом. Ныне не только в научной, но и в учебной, методической литературе закрепилось название соответствующего раздела – «Эпоха Украинской революции» [12]. Оформились умозрительные схемы (частично, подчас – во многом – «заимствованы» из идеологических арсеналов 60–х – 80–х годов прошлого века – времен крайнего обострения в противостоянии двух общественных систем – «холодной войны»), в которых оказываются искусственно разорванными взаимосвязи революционных процессов в сугубо национальном измерении. Февральская и Октябрьская революции представляются лишь российскими (то есть русскими) явлениями, а последняя еще и большевистской, что во многих случаях изображается синонимом русскости, к чему Украинская революция, будто бы, была вовсе и непричастна. Социальная слагаемая оказалась практически

исключенной, вытесненной из исследовательского поля – как чужеродная для украинского интереса, национально–государственного возрождения, квалифицируемая как противоестественное привнесение силовыми методами (иностранной агрессией) на украинскую почву враждебной идеологии и политики.

На самом же деле взлет украинского освободительного движения явился прямым порождением, непосредственным продолжением Февральской революции, стал составляющей всех сфер общественной жизни, начатой свержением самодержавия. Без особого риска ошибиться можно утверждать, что потенции украинского освободительного движения к 1917 году были явно недостаточными, чтобы надеяться на взрыв собственной революции не только в этом, но и в последующие несколько лет. Иными словами, без Февраля перспективы быстрой интенсификации национального движения, революционного сдвига в Украине оставались бы весьма и весьма проблематичными.

Октябрьская революция, свержение Временного правительства, которое не только тормозило внедрение пусть крайне ограниченной автономии Украины и было вряд ли преодолимым препятствием на пути к полноценной национальной государственности, вместе с «Декларацией прав народов России» стали наивесомейшими стимулами для нового подъема украинского движения, для оформления национальной государственности, создания УНР.

Отмеченное вовсе не означает, что события в Украине, их размах не влияли на углубление революционного кризиса в стране в целом и не явились одной из предпосылок победы Октябрьского вооруженного восстания.

Удивительная метаморфоза, случившаяся на нынешнем этапе историографического развития, создала непростую, проблемную ситуацию: воссоздание картины украинского освободительного движения в его абсолютизации оказалось доведенным до совсем неоправданного отрыва от процессов, которые не только породили его самого, стимулировали на различных этапах развития, но и развивались в постоянной органической связи, разных степенях влияния, доминирования, противостояния, противоборства и т. д.

В результате воссоздание временного отрезка отечественной истории, относящегося к 1917–1922 годам, привело к новому варианту неадекватности реальному опыту. Внутренняя логика развития исследований, поиска истины, в конце–концов, научная добросовестность обуславливают попытку сочетания, соединения в научных трудах двух направлений общественного прогресса, которые в исторической практике были неразрывными: социального и национального.

Для правильного, всестороннего и глубокого понимания революционной эпохи, обусловленности процессов и событий, закономерностей их развития, объективной оценки достигнутых неоднозначных результатов, думается, принципиально важно исходить из того, что революционные события в Украине развивались не в изоляции от общероссийских, в первую очередь социальных тенденций, а взаимопереплетались, то сливаясь с ними, то двигаясь параллельными курсами, а то и входя в противоречия, разновекторности, антагонистическую непримиримость. Поэтому, учитывая наличный прогресс в исследовании национально–освободительной революции в Украине, которым в значительной степени

уже компенсирован когдашний нигилизм относительно этого феномена, сегодня возможно, и нужно, предпринять попытку воссоздания картины исторического процесса 1917–1922 годов во всей ее полноте, многоплановости и разнообразии. Конечно же, подобный комплексный труд не может быть простым, механическим сведением воедино того, что когда-то было сделано в изучении Февральской и Октябрьской революций на региональном срезе, и того, чем располагаем на данный момент в постижении национально-освободительного движения в его специфическом проявлении – Украинской революции. Априори важно стремиться достижения качественно нового результата, в котором оба главных начала должны «переплавиться», помогая понять сложную детерминированность тех общественных проявлений, постичь которые при иных обстоятельствах нередко очень сложно, порой практически невозможно. Главное же, на этом пути можно надеяться на воссоздание значительно более адекватной картины всего периода 1917–1920 годов, нежели это было ранее.

Точно так же взаимосвязаны распад Австро-Венгрии, ноябрьская (1918 г.) революция в Германии и возвращение в революционное русло процессов, прерванных гетманщиной в 1918 году. Возрождение УНР, возникновение Западно-Украинской Народной Республики и попытка объединения в одну целостность двух национально-государственных образований были вызваны к жизни действием далеко не только внутриполитических украинских тенденций.

Таким образом, комплексное изучение периода 1917–1920 годов, как сложной взаимодействующей системы революций со всеми их своеобразиями, противоречиями, альтернативными расчетами и стратегиями – настоятельная потребность, диктуемая как жизненной, так и научной логикой, желанием постичь реальную действительность.

Попыткой реализации обозначенных соображений и умывыводов обусловлена разработка проекта, начало которому положил выход первой книги четырехтомника «Украина в революционную эпоху: исторические эссе-хроники», посвященной 1917 году [13]. Наряду с национально-освободительными процессами, в тесной увязке с ними, во взаимовлияниях и взаимопереплетениях показаны социальные движения, борьба за советскую власть, за первые социалистические преобразования, которые в Украине не просто имели место, но нередко приобретали такой масштаб и характер, что существенно превосходило аналогичные тенденции в других центрах страны, в том числе и непосредственно в российских губерниях.

Естественно, считая последние направления, слагаемые общественных, революционных процессов предметом специального разговора и возвращая собственно к национально-освободительному движению, представляется целесообразным остановиться еще на одном, чрезвычайно важном моменте, получающем нередко искривленное восприятие и толкование.

Речь о векторе самого украинского освободительного движения. Уже этот термин, а тем более понятия Украинской революции считаются олицетворениями, синонимами сепаратизма, однозначно и неизбежно предполагающего центробежные тенденции, удары по единству революционных, демократических сил, территориальной целостности российской государственности, предательством по отношению к российской

армии, продолжающей отстаивать интересы родины в империалистической войне и т. п.

При подобном подходе возникает алогичный, однако весьма непросто осознаваемый и даже распознаваемый эффект – умозаключение: если признать Украинскую революцию объективной политической реальностью, это неизбежно трансформирует, исказит всю воссоздаваемую картину эпохи. Одновременное, одномоментное развитие более чем одной революции (хотя бы двух) – нонсенс. Они (или по крайней мере одна из них) не могут взаимодополнять друг друга, обязательно должны прийти к противостоянию, конфликту антагонистического уровня, к военной развязке.

На самом деле подобного рода суждения и оценки очень далеки от фактической стороны дела.

Ориентируясь на интегральный результат исследований национально-освободительного движения в Украине в 1917–1922 годах, в особенности на серьезные, аргументированные, логичные труды (конечно же, рядом с ними есть и немало конъюнктурных, расходящихся с научными критериями, методами публикаций) можно кратко обозначить основные позиции следующим образом.

С момента осознания необходимости разрешения украинского вопроса, как важнейшей общественной потребности и цели, идеологи, руководители национально-освободительного движения преимущественно были озабочены стремлением найти «золотую середину» в планах достижения желаемых перемен, когда бы не были потеряны, сохранены и даже упрочены преимущества совместного государственного существования украинцев, россиян, белорусов, других наций и, одновременно, гарантированы условия пролонгации украинской, как, впрочем и любой иной национальной самобытности. Это привело к появлению концепций федерализации России. Она должна была стать семьей (союзом) равноправных народов, без ущемления прав в какой-бы то ни было сфере общественной жизни [14].

Идея славянского единства, в первую очередь русского, украинского и белорусского народов стала упрочиваться в головах части участников тайных обществ периода декабристского движения, к примеру – «Товарищества объединенных славян» (Ю. Люблинский, братья А. и П. Борисовы, И. Горбачевский, г. Новоград–Вольнский, 1823 г.).

Эта идея вдохновляла интеллектуалов Кирилло–Мефодиевского братства: Т. Шевченко, Н. Костомарова, П. Кулиша, Н. Гулака, В. Белозерского. Она нашла последовательных сторонников в лице М. Драгоманова, участников повсеместно возникших по его инициативе «Громад».

Когда в конце XIX – начале XX веков обозначилась более радикальная тенденция – «самостийническая» («Братство тарасовцев», М. Михновский, программа Революционной украинской партии «Самостийна Украина»), она недолго смогла конкурировать с имевшей более глубокие идейные корни, ставшей по существу уже традиционной и представлявшей более реалистичной, перспективной концепцией федералистского переустройства России, в которой Украина получила бы статус территориальной автономии. Она нашла свое воплощение в программах большеинства (почти всех) политических партий украинства начала XX в. (Украинская социал-демократическая партия, Украинский социал-демократический союз «Спилка», Украинская радикально-демократическая партия,

Товарищество украинских постепенцов и др.), конкретизировалась и пропагандировалась украинской политической элитой (М. Грушевский, В. Винниченко, Н. Порш, С. Ефремов, Б. Гринченко, Е. Чикаленко и др.). Отказ от лозунга «самостийной Украины» объясняется отсутствием сколько-нибудь широкой его поддержки, желанием преодолеть порождаемые настроения настороженности в лагере антимонархических сил, опасениями его членения по национальному признаку. Ставшее программным требование «широкой территориальной автономии в федеративной демократической республике Россия», напротив, приближалось к доминирующим призывам «Прочь царя!», весьма органично дополняя и умножая его социальное содержание национальным компонентом (царизм – оплот не только социального, но и национального гнета).

Бурно развившееся в 1917 году украинское национальное движение за короткое время снова обнаружило доминирование в настроениях и стремлениях автономистско-федералистской платформы (приверженцев Украинской партии самостийников-социалистов оказалось просто несравненное меньшинство). Официальным курсом Центральной Рады, практически без идейного противодействия, стала автономистско-федералистская концепция, единодушно утвержденная Украинским национальным конгрессом 6–8 апреля 1917 года. Даже сторонники лозунга самостоятельности Украины в лице М. Михновского в первые месяцы национально-освободительной революции сочли необходимым несколько приглушить прежний радикализм, чем в известной степени способствовали формированию единого национального демократического фронта.

Кстати, вряд ли оправданной является позиция тех исследователей, идущих вслед за ними публицистов, которые не просто высказывают сомнения относительно квалификации событий в Украине как национально-демократической революции, иронично берут само понятие в кавычки, но и подыскивают для них как можно более хлесткие пренебрежительно-унизительные эпитеты, национальных лидеров считают психически неуравновешенными, «жуликами», а выработанные документы «смесью вранья и несуразиц» и т. п. [15].

Главный теоретик и вдохновитель автономистско-федералистского курса Украинской революции, видный ученый-историк с европейским именем М. Грушевский исходил из неотвратимости торжества в России демократии. Потому он предлагал не отделяться от России, наоборот, – принять максимально активное участие в ее превращении в «народоправную» республику, добровольный союз (федерацию) национально-государственных образований и, тем самым, добиться обеспечения достаточных прав угнетенным ранее народам, соответственно собственным интересам и целям, налаживать жизнь через систему своих национально-территориальных государственных органов. В Украине их олицетворением должно было стать Украинское Учредительное собрание.

В самых общих чертах стратегию Украинской национально-демократической революции и государственного созидания М. Грушевский очень четко сформулировал в одной из первых статей 1917 года – «Свободная Украина» («Вільна Україна»). «Требование народоправия и подлинно демократического строя на Украине в отделенной, несмешанной автономной Украине, связанной только федеративными узлами то ли с

инными племенами славянскими, то ли с другими народами и областями Российского государства, – это старый наш лозунг, – отмечал Глава Центральной Рады. – Поднятый еще в 1840–х годах наилучшими сынами Украины Шевченко, Костомаровым, Кулишом, Гулаком, Белозерским и иньими, он с того времени не переставал быть руководящим мотивом украинской политической мысли, организационной работы, культурной и общественной деятельности.

...Несомненно, он останется той сердцевинной политической платформой, на которой будет идти объединение жителей Украины без различия слоев и народностей. Средней между программой простого культурно–национального самоопределения народностей и требованием полной политической независимости» [16,99–100].

Следует иметь в виду, что предложенный вариант достижения нового качества украинско–российских отношений был научно обоснован, серьезно просчитан в целом ряде публицистических, адаптированных на рядового читателя, однако совсем не утрачивавших высокого теоретического уровня работ М. Грушевского той поры. Среди них: «Кто такие украинцы и чего они хотят», «Откуда пошло украинство и к чему оно идет», «Какой автономии и федерации хочет Украина», «Центральная Рада и ее универсалы: первый и второй», «На пороге Новой Украины» и др. Глава Центральной Рады убеждал всех честных людей, тех, кто был способен логично мыслить и действовать (и украинцев и русских), в целесообразности, взаимовыгодности, выигрышности отстаиваемого варианта достижения гармоничных отношений двух соседних народов.

Украинцы рассчитывали получить возможность распоряжаться своей судьбой сообразно национальному интересу. Ведь обретением нацией таких демократических гарантий, исключением возможности вмешательства в украинское возрождение (в его основе – осуществление «украинизации Украины»), несомненно (во всяком случае – с достаточно высокой степенью вероятности – прогнозируемо), было развитие такой масштабной воли и энергии, что украинству стали бы вовсе не нужны искусственные отмежевания от чужих влияний или конкуренций. А принадлежность к великой и могучей державе позволяла бы эффективно воспользоваться ее очевидными преимуществами на международной арене, особенно важными в условиях продолжения мировой войны [17].

Предоставление автономии Украине, по мнению М. Грушевского, не только не привело бы к ослаблению общероссийского государства, к его распаду, чего панически боялась и чем всех так грозно пугала русская элита, а, наоборот, – усилило бы тягу автономных национально–государственных образований к сплочению вокруг исторически сложившегося центра, к осознанному объединению (а в результате, понятно, – умножению) усилий для совместного решения назревших проблем, продвижения по пути прогресса.

Подчас такая стратегия оценивается, с одной стороны, как слишком ограниченная, умеренная, а с другой – нереалистичная, иллюзорная, обманная, заранее обреченная на несбыточность. Однако следует подчеркнуть, что отличительной чертой М. Грушевского–политика был категорический императив – научно обосновывать каждый политический шаг. В основе предлагавшегося ученым курса лежит глубокий, очень предметный анализ социально–политических альтернатив, внимательное рассмотрение всех факторов, которые воздействовали на ситуацию, а

выбор наиболее приемлемого варианта деятельности выполнялся практически с безупречной убедительностью.

Думается, отсутствие радикализма, элементов экстремизма, сецессионизма в обосновании концепций украинского национального движения и федералистской трансформации России – отнюдь не проявление недостаточного уровня развитости национального организма и его самосознания на фоне более «продвинутых» этносов, как это нередко пытаются представить [18], а свидетельство совсем иного свойства. Лидеры украинского национального движения исходили в своих логических построениях из учета конкретно–исторических условий развития своей нации и предлагали взаимоприемлемые, весьма конструктивные и перспективные варианты национально–государственного строительства. Они предполагали совсем не сепарирование от общероссийских процессов демократизации общества, а активное участие в них.

Автономистско–федералистский курс Центральной Рады не оставался пустой кабинетной абстракцией, а очень оперативно превратился в устойчивые убеждения миллионов украинцев и материализовался в тысячах и тысячах резолюций самых различных форумов: от общенациональных и общепартийных до уездных и сельских, узкокорпоративных. Происходило уникальное органическое единение порождения научного интеллекта с инстинктивными стремлениями (точнее – неоформленными) волеизъявлениями широких масс.

Попутно следует заметить, что попытки некоторых современных историков и публицистов представить дело так, что массовая поддержка идейно–политической платформы Украинской революции была лишь результатом инспирирования ее националистическими лидерами [19,147], находятся в очевидном противоречии с многочисленными документами, собранными в объемных томах, вышедших в последние годы [20].

Центральная Рада как бы «проявляла» массам их внутренние порывы, настроения и объективно преобразовывала в идейный стержень быстро растущего движения. В трехтомнике заместителя Председателя Центральной Рады и Председателя Генерального секретариата В.Винниченко «Возрождение нации» есть характерный подраздел с ироничным названием «І хведеративна!» (И федеративная!) [21,175–179]. Настоящий мыслитель, тонкий знаток национальной души и талантливый художник блистательно, пронзительно–тепло воспроизвел процесс вызревания массового политического и национального сознания, особенно в крестьянской среде. «На Украине, – пишет он, – все крестьянство верило Центральной Раде, ибо она была «своя», она хорошо знала потребности «простых людей» и хотела реализовать эти потребности. Эти потребности назывались «автономия Украины» и «федеративная Россия». В этих словах вместились и пробужденная нежность крестьянства, и реабилитированная простота, и уважение к «простому» языку, и узаконение его отличия от «русского», «кацапа», и ликвидация оскорбительного вечного презрения этого «кацапа» к «хохлу», и, наконец, в этих словах было решение вопроса войны и земли. Реалистичный, монистический разум крестьянина эти две категории – национальное и социальное – сразу же сливал в одну, нераздельную, органично связанную между собой целостность. Кто за землю, тот и за Автономию. Кто против Автономии, тот и против земли.

...Крестьян окружали со всех сторон, засыпали доказательствами, хитрыми вопросами, ругательствами и враньем по адресу проводников

украинства, провокационными слухами, призывали к себе, сманивали обещаниями, – крестьяне на это только крутили головами и говорили: «І хведеративна!» [[21,178–179].

Без большой опасности ошибиться можно утверждать, что любая другая идеологически–политическая конструкция, кроме лозунга «широкая национально–территориальная автономия в федеративной, демократической республике Россия», не могла так всколыхнуть украинские массы, объединить их, направить к общей цели. И если правилен тезис, что политика – искусство возможного, то стоит признать – к оптимально возможному приближался именно разработанный Центральной Радой курс.

Если не упрощать и не примитивизировать тогдашнюю ситуацию, то следует вполне обоснованно считать, что именно живой, заинтересованный отклик на выдвинутые лозунги не мог не служить для руководителей украинского движения дополнительным стимулом для приумножения усилий в реализации избранного курса. В значительной мере становится понятной та настойчивость, с которой Центральная Рада, получив от народа своеобразный мандат, стремилась претворить в жизнь автономистско–федералистскую программу в своих трех первых Универсалах, принципиально ее отстаивала во взаимоотношениях с Временным правительством, а затем и ленинским Совнаркомом.

Конечно, в данном случае речь идет о различных этапах революционной и государственно–созидательной поступи и, естественно, привели они к различным результатам.

После определенных трений и неуклюжих попыток противодействия неконтролируемым процессам, Временное правительство все же вынуждено было согласиться со введенной явочным порядком автономией Украины, легитимизировало Центральную Раду договоренностью о ее превращении в краевой орган (через включение в нее представителей национальных меньшинств), утвердило, хотя и с серьезным ограничением прерогатив, Генеральный секретариат как исполнительную краевую, то есть автономную власть, вело с Центральной Радой и Генеральным секретариатом переговоры, как с полноправными и полновесными государственными институтами, делало это по существу на межгосударственном уровне, даже конфликтовало как с вполне реальной серьезной национально–государственной силой (речь, в частности, и о Временной инструкции Генеральному секретариату от 4 августа 1917 г., и о распоряжении открытия уголовного дела за попытку начать подготовку к созыву Украинского Учредительного собрания и т. д.). К сожалению, снова приходится обращать внимание на односторонность подходов к проблеме некоторых историков, склонных доказывать, что «культура межнациональных отношений (имеются ввиду, конечно, деятели национальных регионов – В. С.) спускалась на племенной уровень», тогда как «великодержавная реакция» «носила вялый характер» [19,154].

Таким образом, невзирая на вполне понятные стремления многих тогдашних украинских политиков достичь большего (что, кстати, имманентно и ретроспективным оценкам определенной части современных отечественных историков), осуществлялась реальная, в основе своей демократичная трансформация украинско–российских отношений, снимавшая существовавшие острые противоречия и закладываявшая неплохую основу для их предупреждения в будущем. Одновременно шаг за шагом

как бы «нарабатывалась» модель функционирования полиэтнического государства в условиях торжества демократии, о стремлении к чему неустанно твердили практически все тогдашние политические силы.

Приход к власти большевиков внес существенные коррективы в этот процесс. Воспользовавшись исчезновением Временного правительства – до того главного тормоза процесса автономизации Украины, а также «Декларацией прав народов России», провозгласившей государственным принцип права наций на самоопределение, Центральная Рада 7 (20 н. ст.) ноября 1917 года обнародовала свой III Универсал.

Идея федеративного переустройства России в документе является сквозной, доминирующей, самой рельефной. Достаточно беглого взгляда на документ, чтобы убедиться в этом.

«Народ украинский и все народы Украины! – провозглашала Центральная Рада. – Тяжелое и трудное время выпало на землю республики Российской (тут и далее подчеркнуто мною. – В.С.). На севере, в столицах идет междуусобная и кровавая борьба. Центрального правительства нет, и по государству распространяется безвластие, расстройство и руина.

Наш край точно также в опасности. Без власти, сильной, единой, народной, Украина также может скатиться в бездну, усобицы, резни, упадка.

Народ украинский! Ты вместе с братскими народами Украины поставил нас охранять права, добытые в борьбе, творить порядок и налаживать жизнь на нашей земле. И мы, украинская Центральная Рада, во имя восстановления порядка в нашем государстве, во имя спасения всей России, сообщаем:

Отныне Украина становится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от республики Российской и сохраняя единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика стала федерацией равных и вольных народов...

Имея силу и власть на родной земле, мы этой силой и властью станем на страже прав и революции не только нашей земли, но и всей России» [22,398–399].

В полном согласии со всей Россией предполагалось решение конкретных неотложных задач текущего момента: прекращение войны и достижение мира, решение земельного, продовольственного вопросов, упорядочение производства и распределение продукции, организации труда и т. д.

Оканчивался Универсал таким призывом:

«...Граждане! Именем Народной Украинской Республики в федеративной России мы, Украинская Центральная Рада, призываем всех к решительной борьбе со всякими беспорядками и разрушениями и к дружелюбному великому строительству новых государственных форм, которые дадут великой и изможденной республике России здоровье, силу и новую будущность. Выработка таких форм должна быть осуществлена украинским и всероссийским учредительными собраниями...» [22,401].

Напрашивается вполне обоснованный вывод: беспокойства за судьбу всей России, кажется, больше, нежели за собственную, украинскую.

За Универсалом последовали обращения, ноты к руководству национально–территориальных и территориально–административных образований с предложениями присылать своих представителей в Киев для

решения вопроса о судьбе России, т. е. о ее федеративном переустройстве. Нет оснований подозревать лидеров Украинской Народной Республики в неискренности, попытках вести какую-то сложную политическую игру со скрытыми целями. Украинские газеты взалхлеб патетически вещали, что подобно тому, как когда-то «свет христианской веры пошел по всей великой земле русской именно из Киева, так и ныне порядка, спасения народы России ждут из все того же златоглавого Киева» [23].

В ноябре–декабре 1917 года Центральная Рада предприняла ряд шагов по налаживанию контактов с национально–государственными образованиями, возникшими в основном на восточных границах УНР: посылались дипломатические делегации на Дон, Кубань, к правительству «Юго–Восточного Союза» [24]. Основная цель переговоров – формирование федерации на принципе однородно–социалистической власти. На определенном этапе с подобными предложениями Генеральный Секретариат обратился и к Совнарком Советской России.

Конечно, подобный поворот событий вряд ли ранее мог быть спрогнозирован. Редактор шовинистической газеты «Русская жизнь» А. Погодин с изумлением замечал: «История сыграла с нами странную шутку. Украина, которая отделилась от России (надо учитывать, что любые, самые ограниченные требования украинцев подобного рода силами квалифицировались сепаратизмом, ложившим начало отделению Украины от России. – В. С.), теперь оказалась призванной начать новое собрание земли русской» [25].

Однако поведение лидеров украинского национального движения было отнюдь не спонтанным, имело (больше всего – для самих себя) детерминированную логику.

За украинскими политическими деятелями уже на протяжении достаточно продолжительного времени начало закрепляться лидерство (на современном языке, очевидно, – неформальное) в национально–освободительном движении в целом в России. Еще до начала Первой мировой войны вокруг Товарищества украинских постепенцев («поступовців» – ТУП) стал оформляться союз автономистов–федералистов во всероссийском масштабе. Не следует сбрасывать со счетов и того психологического эффекта, которое оказал на М. Грушевского и его коллег Съезд Народов, проведенный в Киеве в середине сентября 1917 года. Он стал яркой демонстрацией поддержки во всероссийском масштабе автономистско–федералистских стремлений лидеров украинского движения, признания их несомненной авангардной роли в выработке планов демократического переустройства многонационального государства.

Очевидно, не лишним будет упомянуть и о том, что логика расчетов Центральной Рады, пусть и с серьезными оговорками, немало в чем совпадала с генеральным направлением политических поисков путей создания советской федерации. Вспомним хотя бы ленинский лозунг «Пусть Россия будет союзом свободных республик!», родившийся в полемике именно вокруг вопроса об отношениях Украины с другими национально–государственными образованиями, возникновение которых считалось не просто вероятным, но, в сущности, неизбежным и желательным [26]. А одно из ключевых положений «Декларации прав народов России» (2 ноября 1917 г.) – областная (территориальная) автономия для тех национально–административных единиц, которые не пожелают довести дело до национально–государственного отделения, – четкое деклариру-

вание прерогатив и принципов взаимоотношений субъектов будущей федерации.

Интересно, что дипломаты, политики западных стран в последние месяцы 1917 года приходили к заключениям о желательности некой федерации (или конфедерации) антисоветских правительств (в отдельных случаях высказывалась надежда и на участие в предполагаемой коалиции СНК как «правительства Петрограда, Москвы и окрестностей») для того, чтобы сорвать возможность заключения Советской властью сепаратного мира с немцами и, конечно же, изменить начавший осуществляться большевиками курс. Центральная Рада при этом фигурировала в планах как один из непременных субъектов развития намечавшегося сценария [27], ради реализации которого предпринимались серьезные усилия представителей Франции и Англии в Киеве [28]. Конечно, не повлиять, хотя бы в определенной мере, на позицию и поведение лидеров УНР это не могло.

Впрочем, логично допустить и то, что в апеллировании Центральной Рады к правительствам краев и областей бывшей России о необходимости консолидации усилий с целью федеративного переустройства распадающегося государства прослеживается не только уверенность в правильности избранного пути, но и очевидный страх перед перспективой остаться один на один с петроградским правительством В. Ленина, неверие в собственные потенции, неготовность только своими силами решать наболевшие проблемы даже внутриукраинского развития.

Все сказанное, естественно, с вышеупомянутыми предостережениями, может служить предметом для размышлений о тогдашних общих тенденциях, если не закономерностях российского развития. Поэтому и с данной точки зрения лидеры Центральной Рады искали и находили пути совершенствования российского многонационального государственного организма и определения своего созидательного места в нем на обусловленном объективными обстоятельствами направлении. Из возможных вариантов они избирали принципиально исходный, перспективный путь поступи, и, хотя и не с оптимальными достижениями, все же неуклонно преодолевали морально, политически, да и физически самый сложный, самый трудный начальный ее отрезок.

Однако, именно попытка воплощения планов обустройства России на избранном Центральной Радой пути, предполагавшем консолидацию демократических сил, объединение усилий во всероссийском масштабе привела к эффекту, обратному ожидавшемуся. Вопреки оптимистическим надеждам, никто из «негосударственных» прежде наций и народов не спешил приступить к строительству новой федерации. Ближайшие соседи, на которых рассчитывали как на непременных, заинтересованных партнеров, судя по всему, просто не дозрели или просто не успели пройти необходимого пути, чтобы уже быть активными субъектами архисложного процесса. Свою роль, очевидно, играло и то, что сторонники более радикального решения вопросов национальной государственности – финны, поляки, отчасти прибалтийцы – не участвовали в этом процессе по иным, известным причинам: они в это время форсировано добивались независимости.

Единственная же позитивная реакция на инициативы Центральной Рады – главного тогдашнего врага большевистской власти генерала А. Каледина, сформировавшего самый мощный военный антисоветский

оплот на Дону, – была равносильна вызову «огня на себя» как со стороны местных советов, так и из петроградского центра, объективно и автоматически поставила Центральную Раду в трагически самоубийственное для лидеров УНР положение воюющей стороны с СНК России.

Один из активных участников событий того времени, талантливый историк Д. Дорошенко вынужден был честно признать: «Это была явно непосильная и ненужная для Украины задача. Логика событий показала, что Украине надо было совсем отделиться от России, стать самостоятельным и независимым государством; она должна была признать правительство Народных Комиссаров, как правительство России, на основе обоюдного признания (большевики сами тогда постоянно подчеркивали, что признают за каждой нацией право на самоопределение вплоть до отделения) и – дать всероссийским делам покой. Украина имела перед собой такие колоссальные задачи внутренней организации, что гоняться за созданием всероссийской федерации, подвергая себя враждебности уже существующего фактически нового российского правительства – это была неосуществимая – тогдашних условиях задача» [29,185]. Мысли и планы, подобные высказываниям Д. Дорошенко, оформились в систему общепризнанных подходов несколько позднее.

А в ноябре–декабре 1917 года в результате реализации выработанного Центральной Радой курса вместо достижения нового, демократически–республиканского федеративного уровня отношений разразился острейший конфликт с радикальным (военным) финалом. Последнее, в сочетании со стремлением лидеров УНР включить в действие международные факторы, соответственно – принять участие в Брест–Литовской мирной конференции убедило Центральную Раду в необходимости пересмотра государственного статуса Украины [30].

Впрочем, провозглашенные 9(22) января 1918 года четвертым Универсалом независимость, полный суверенитет Украины вовсе не означали немедленного, решительного отмежевания Украины, отказа от выкристаллизованных планов трансформации России в демократическую, федеративную республику. Однако желанная федерация должна была объединить уже не автономные образования, а самостоятельные, суверенные, что, собственно говоря, больше соответствует общепринятым представлениям о конфедеративной модели государственного устройства.

Как бы там ни было, федеративному принципу (как способу объединения национально–государственных, территориальных образований в одном государстве) М. Грушевский, В. Винниченко, большинство их единомышленников не изменили и после эмоциональной реакции на сокрушительное поражение от советских, в том числе и российских, войск в январе 1918 года, снова и снова возвращались к нему на новых витках революции.

Основная причина такого последовательного, в чем–то даже настойчивого и упрямого поведения заключалась, очевидно, в устранимой вере в научно обоснованные, неоспоримые преимущества федералистской модели украинско–российских отношений, взаимодействия всех наций полиэтнической страны, несомненное ее торжество в ближней, или более отдаленной перспективе.

Особого разговора заслуживает стремление гетмана П. Скоропадского принять участие в возрождении осенью 1918 года федеративной России на несветской основе («небольшевистской России»).

Конечно, нельзя упускать из виду, что инициатива приходится на момент поражения Четверного союза в империалистической войне, а это сразу ставило под большой вопрос саму дальнейшую судьбу гетманского режима, державшегося в решающей степени на силе немецко-австрийских штыков.

Впрочем, нельзя пренебрегать и тем, что генерал российской армии, дававший присягу на верность царю, убежденный монархист и, одновременно, украинец по происхождению, искренне желал бы оздоровления отношений юридически самостоятельной Украины, к руководству которой он пришел в экстремальных обстоятельствах (вынужден был «терпеть власть чужеземцев»), со столь же горячо любимой им великой Россией.

Весьма симптоматичными выглядят размышления П. Скоропадского, высказанные в его мемуарах. «Великороссы, – писал он, – должны понять, что старого не вернуть, и что как бы ни была ошибочна политика украинцев, Украина не погибнет, а снова и снова будет добиваться того, чего ей не дают...

Россия может возродиться только на федеративных началах, а Украина может существовать, только будучи равноправным членом федеративного государства» [31,307–308].

П. Скоропадский считал подобные перемены единственным путем достижения украинско-российского компромисса и принципиально предостерегал приверженцев «великой России» от соблазна воспользоваться лозунгом федерации в тактических целях. Он подчеркивал: «Все окраины думают: окрепнет Великороссия и снова примется за старый гнет всякой национальности, входящей в состав Российского государства. Я видел много украинцев, которые высказывали подобные опасения, да нечего далеко искать, тот же самый Винниченко, сидя у меня в кабинете, говорил при мне одному украинцу-федералисту, что он и сам ничего не имеет против федерации, но когда теперь говорить о федерации, то тогда русские ничего не дадут впоследствии, поэтому нужно стоять за «самостоятельность» до конца, которая и приведет к федерации» [31,308]. Попутно следует отметить, что сказанное диссонирует с логикой рассуждений тех авторов, которые считают гетманат попыткой осуществления тактических по замыслу планов «малороссийской Украины» [32,448–464].

Щекотливость ситуации заключалась в том, что лишенный поддержки австро-немецких оккупантов, не имея сколько-нибудь надежной гарантии (немцы серьезно беспокоились о том, чтобы помешать созданию украинских вооруженных сил), гетман не мог «стоять за «самостоятельность» до конца», вынужден был пазоваться перед партнерами (генерал П. Краснов, нарождавшееся и упрочивавшееся «белое» движение), идеологической платформой которых являлась концепция «единой и неделимой России». Принимая чужие правила игры, П. Скоропадский, видимо, осознавал (хотя это и не помешало ему провозгласить 14 ноября 1918 г. Грамоту о федерации с несветской Россией – однако, это уже другой разговор: о тактике выживания), что реализация договоренностей с П. Красновым не оставляла места не только для самостоятельной, но и автономной, в сущности – никакой Украины, просто ликвидировала бы ее субъектность, возвращала бы украинско-российские отношения к их исходному доре-

волюционному, реализующему старые, казалось бы уже превзойденные противоречия, и как результат к имманентно–конфликтному межнациональному состоянию.

Вспоминая о пророчествах В. Винниченко, П. Скоропадский с горечью должен был констатировать: «Как только я объявил федерацию с Россией, я сразу понял, что Винниченко был прав. Через несколько дней появления грамоты великорусские круги уже никакой Украины совершенно не признавали» [32,448–464].

При определенных обстоятельствах перспективными могли оказаться планы самого В. Винниченко, оформившиеся в альтернативной плоскости, – разрядить напряжение в отношениях возрожденной в ходе антигетманского восстания Украинской Народной Республики и Российской социалистической федеративной советской республики (конец 1918 г. – начало 1919 г.).

Критически проанализировав причины поражения УНР времен Центральной Рады, предвосхищая неизбежное после жестокого гетманско–оккупационного террора тяготение народа Украины к советской власти (нетрудно было предположить, что на стороне последней тенденции, как и в декабре 1917 г. – январе 1918 г., окажется несравненно превосходящий военно–политический потенциал РСФСР), глава Директории считал единственным способом преодоления умножившейся на протяжении последнего года взаимной национальной вражды, предотвращения надвигавшейся войны введение в Украине «системы советской власти» [33,133–140].

Доводы и соображения в этом плане были сразу же отвергнуты большинством Директории и руководством основных украинских политических партий, после чего В. Винниченко весьма оперативно предложил «усовершенствованный» паллиативный вариант – идею формирования в Украине республики трудового народа, политическим и государственным фундаментом которой явились бы трудовые советы («рады»), а венчал конструкцию политической системы Трудовой Конгресс Украины [34].

Трудовые советы, сформированные не по классовому принципу, – в их выборах имели бы право принимать участие все, не эксплуатирующие чужого труда, по расчету В. Винниченко, больше бы отвечали социальной структуре украинской нации, ее крестьянскому характеру, и, одновременно, были достаточно близкими российским, точнее – большевистским советам. Глава Директории говорил даже о родстве двух «диктатур» – диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в РСФСР и диктатуры трудового народа в УНР [33,141].

Однако, в данном случае, очевидно, не столь важно выяснение степени тождества или различия между советами рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов и трудовых советов (рад). Важно понять, что таким образом глава Директории, соображения и предложения которого были официально поддержаны руководящими органами украинских партий и правительством, оформлены соответствующими решениями в качестве государственного курса, стремился доказать, что реализацией его плана противоречия между Украиной и Россией снимаются, по крайней мере, утрачивают если не принципиальный характер, то, уж, во всяком случае, антагонистическую остроту, что при доброй воле можно не только надеяться на мирную разрядку конфликтной ситуации, но и достичь за-

ключения межгосударственного союза (федерации) для осуществления общих целей.

Нужно учитывать, что к такому варианту развития отношений проявляло интерес большевистское руководство Советской России, вокруг которой в 1919 году затягивалось кольцо фронтов, и разорвать их прочную цепь хотя бы в одном звене – означало облегчить общее положение республики. Поэтому, в частности, было уделено подчеркнутое внимание чрезвычайной дипломатической миссии С. Мазуренко, направленной в Москву главой Директории В. Винниченко и председателем правительства УНР В. Чеховским [35].

Однако, наметившийся на этом направлении явный прогресс был блокирован С. Петлюрой и его окружением, которые избрали ориентацию на Антанту, начиная активно добиваться у командования интервентов в Одессе и Бирзуле благосклонности и поддержки, саботировав при этом принятые решения о трудовых советах, введя явочным порядком режим, получивший название атаманщины. С отставкой в ходе разразившегося правительственного кризиса с высших государственных постов В. Винниченко и В. Чеховского, приходом на первые роли в УНР С. Петлюры возможности украинско–российского диалога практически исчезли. (Впрочем, несколько нарушая хронологию, следует заметить, что в условиях похода Добровольческой армии А. Деникина на Москву, «попутно» уничтожившей УНР, и непрекращающейся агрессии со стороны Польши, С. Петлюра готов был на союз с Советской Россией, трижды во второй половине 1919 года давал согласие на проведение соответствующих переговоров, надеялся на их благополучный исход, хотя результативный прогресс так и не был достигнут и притом совсем не по вине петлюровской стороны [36,423]).

Вместе с тем, не меньшую ответственность за срыв перспективы украинско–российского компромисса, имевшего не только временную тактическую ценность, но и шансы приобрести долговременное, стратегическое значение, В. Винниченко возлагал и на местных большевиков, Компартию Украины, в частности, на Г. Пятакова, возглавлявшего с 20 ноября 1918 года Временное рабоче–крестьянское правительство Украины. Именно последнее руководило борьбой за восстановление в регионе советской власти (значит – и против Директории), чем подталкивало правые круги УНР к разрыву нормализовавшихся отношений с РСФСР, объявлению последней войны [33,222–230].

И даже после этого В. Винниченко не изменил убеждению, что соглашение Украины с большевистской Россией на советской основе – наиболее приемлемый, желаемый, если вообще не единственный и, притом, принципиальный, вовсе не ситуативный, конъюнктурный вариант развития украинско–российских отношений, общего революционного прогресса. Потому, пребывая в эмиграции, он, с провозглашением Венгерской советской республики весной 1919 года, направился по приглашению Бела Куна в Будапешт для переговоров о возможности создания «советского пояса» – Россия – Украина – Венгрия и, возможно, далее – Бавария [37,105–107]. Логической основой взаимодействия в рамках такого пояса нетрудно предположить, лежали бы все те же федералистские принципы.

Да и в 1920 года В. Винниченко провел четыре месяца в напряженных переговорах с партийно–советским руководством РСФСР и УССР о

своим предполагаемым возвращении в Советскую Украину, добиваясь при этом больше всего гарантий «украинскости» для Украины как важнейшей предпосылки противодействия наслоениям на неразрешенные пока вновь нарождавшихся противоречий, что, несомненно, пошло бы на пользу обоим народам, их отношениям [38].

В данном случае важно иметь в виду, что речь идет не просто о позиции и поведении пусть выдающейся и влиятельной, но все же отдельной личности. В. Винниченко олицетворял довольно мощное течение формировавшегося в 1918–1920 годах украинского национал-коммунизма. В результате раскола в наиболее многочисленных и авторитетных партиях Украинской революции – Украинской партии социалистов–революционеров и Украинской социал–демократической рабочей партии (они неизменно доминировали и попеременно руководили правительственными кабинетами УНР) – отпочковались, организационно оформились Украинская коммунистическая партия (боротьбистов) (май 1919 г.) и Украинская коммунистическая партия (январь 1920 г.). Обе они, сконсолидировав в своих рядах большую часть членов функционировавших к тому времени бывших единых партийных организаций (влияние правых элементов на общественные процессы в этот период упало до катастрофической отметки), приняли советскую платформу, вместе с КП(б)У делегировали своих представителей в составы правительств СССР, что, безусловно, расширяло базу возможного сотрудничества и на международном (внутри многонациональной Украины), и на межгосударственном (Украина – Россия) уровнях, способствовало поиску координированных решений вставших задач.

Вообще, представляется возможным сформулировать отношение к украинскому коммунизму как к весьма интересному, непростому олицетворению поиска (теоретически небезуспешного, но практически оставшегося далеко не до конца реализованным, хотя и повлиявшим на направление, характер общественной жизни в республике, да и вне ее в 20–х – начале 30–х годов) варианта сочетания двух определяющих революционных начал – социального и национального [39].

Что касается подходов большевиков к национальной проблеме, налаживанию украинско–российских отношений, то они выкристаллизовывались постепенно. При этом очевидной доминантой практически неизменно оставались интернационалистский принцип и федералистская ориентация.

Надо сказать, что РСДРП(б) первой среди общероссийских партий заменила в политическом лексиконе термины «малоросс» и «Малороссия» на получившие «права гражданства» в 1917 году определения «украинец» и «Украина». Достаточно вспомнить даже названия ленинских статей лета 1917 года – «Украина», «Украина и поражение правящих партий России», а также «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде» [40] и др. В официальных документах СНК, протоколах его заседаний (а он в последние два месяца 1917 г. 15 раз слушал вопросы, связанные с развитием событий в Украине, взаимоотношениях к ней) неизменно фигурируют термины «Украина», «украинский народ», «Украинская Рада» [41, 75–76]. Однако куда важнее было то, что РСДРП(б) принципиально поддержала требования украинства относительно своего автономного статуса, решительно осуждала великодержавничество Временного правительства, а руководители киевских большевиков в знак солидарности с национально–освободительным

движением в критические для Центральной Рады моменты даже направляли в ее состав своих представителей, принимали соответствующие, пусть с оговорками и предостережениями, резолюции, чем усиливали ее авторитет, умножали политический вес.

Преодолев проявления нигилистического отношения к украинскому вопросу, национально-освободительному движению первых месяцев революции, местные организации РСДРП(б) к концу 1917 года были практически едины в вопросе об образовании Украинского советского государства, о принципах его взаимоотношений с советской Россией. Провозгласив 12 (25) декабря 1917 года Украину советской республикой (с официальным названием Украинская Народная Республика), I Всеукраинский съезд советов заявил о том, что она становится федеративной частью Российской советской социалистической республики.

Были преодолены сепаратизм части руководства большевистских организаций Донецко-Криворожского бассейна, приведший к образованию в регионах отдельной советской республики с ее прямым вхождением в РСФСР [42].

II Всеукраинский съезд Советов (Екатеринослав, 17–19 марта 1918 г.), реагируя на условия подписанного Советской Россией Брестского мира, провозгласил Украину самостоятельной республикой. Национальная государственность стала для местных большевиков одним из важнейших, определяющих мотивов всей политической жизни. Хорошо известно, с какой серьезностью первый официальный глава Народного Секретариата (правительства) Украины Н. Скрыпник относился к самому факту существования УССР, как принципиально защищал ее в острой полемике-конфликте со И. Сталиным в апреле 1918 года, когда нарком РСФСР по делам национальностей потребовал от большевиков Украины «прекратить игры» в правительство и республику [43,62–65].

В последующем, под влиянием известных факторов, порожденных общими потребностями отстаивания советского строя в гражданской войне, отпора интервенции, необходимостью координации и консолидации усилий в реализации планов революционного, социалистического созидания нарастали объединительные настроения и тенденции. Важными вехами последних стали Военно-политический союз советских республик (июнь 1919 г.), инициатором которого стала УССР, и экономический договор с РСФСР (декабрь 1920 г.).

Время от времени звучали и довольно громкие призывы к слиянию двух республик. Однако подавляющее большинство коммунистов на местах выступали за сохранение украинской национальной государственности и дальнейший поиск оптимальных вариантов союзного, федеративного единения с Советской Россией. Надо сказать, что такая позиция находила не только понимание, но и поддержку руководства РКП(б), хотя сегодня подобная гибкая линия иногда находит резкое осуждение, воспринимается как «плод большой фантазии кабинетных теоретиков» [44,288–289]. Однако, именно терпеливость, взвешенность, расчетливость, национальный такт приводили в конце-концов к тому, что, казалось бы, неизбежные центробежные тенденции неизменно и в общем надежно трансформировались в центростремительные.

Очевидно, уместно вспомнить о том, что именно с Украины в Москву поступали достаточно мощные импульсы, касающиеся как формирования единого дипломатического фронта на Генуэзской конференции, так и

выхода на выработку общих параметров, принципов функционирования советских республик, их консолидации в некую новую общность.

Так, 6 февраля 1922 года пленум ЦК КП(б)У обсудил, а 11 марта Политбюро ЦК КП(б)У приняло специальное постановление о взаимоотношениях между РСФСР и УССР. В документе речь шла о необходимости конкретизации взаимодействия центральных и местных органов управления, уточнения их прав и обязанностей. Д. Мануильскому (первому секретарю ЦК КП(б)У) и М. Фрунзе (командующему вооруженными силами Украины и Крыма) поручилось добиться в Москве создания специальной комиссии из членов ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У, которой надлежало выработать предложения относительно регулирования взаимоотношений между республиками [45,100].

11 мая Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев проявленную инициативу, согласилось с необходимостью создания специальной комиссии, в которую должны были также войти представители Беларуси и Закавказской Федерации. Такую комиссию для выработки предложений очередному Пленуму ЦК возглавил И. Сталин, предложивший известный план «автономизации» [46,191–193].

Проект вызвал решительное неприятие со стороны включенного в состав упомянутой комиссии Председателя СНК Украины Х. Раковского, квалифицировавшего документ как покушение на национальный суверенитет Украины, нарушение достигнутого, пусть несовершенного, неабсолютного, в чем-то даже ассиметричного равновесия в украинско-российских отношениях. Отстаивая украинский интерес, Х. Раковский с демократических позиций выступал за торжество подлинного равноправия в создаваемом государственном объединении, принципа добровольности при вхождении в него. В процессе конституирования СССР он последовательно отстаивал необходимость гарантий суверенитета национальных советских республик, хотя добиться успеха не смог, потерпел поражение [47].

Тем не менее, в образованном в 1922 году Союзе Советских Социалистических Республик, в его основополагающих документах в определенной мере воплотились настроения и стремления значительной части украинства, его политической элиты, предлагавшей свои планы трансформации бывшей единой и неделимой России в федерацию демократических республик, одной из которых и стала Украина.

Конечно, достигнутый результат значительно отличался от теоретических концепций, зарождавшихся и обосновывавшихся в недрах национально-демократического лагеря, хотя бы потому, что социальное устройство страны не предполагалось настолько радикально «продвинутым», подвергшимся кардинальным революционным преобразованиям. Однако, без сомнения, пропагандируемые украинскими лидерами автономистско-федералистские идеи оказали свое влияние на умонастроения широкого слоя их соотечественников. Они также непременно должны были учитываться и при выработке общей, «итоговой» модели общежития двух народов, распространявшейся как принцип на взаимоотношения всех иных наций и государственных образований, возникших на просторах бывшей России, и, очевидно, проделывавших тогда в чем-то сходную поисковую творческую работу. Уже одно это предполагает пристальное внимание к накопленному опыту, его непреходящим урокам.

Подытоживая вышеизложенное, думается, можно выделить следующие положения–выводы:

– Активизация в историографическом освоении опыта украинского освободительного движения в 1917–1920 годах привела к серьезным сущностным сдвигам, увенчалась приближением к максимально адекватным представлениям о весьма сложном, противоречивом явлении.

– Очень важно осознать, что украинское национальное движение, названное Украинской революцией, в большинстве своем не было направлено на подрыв единства революционного процесса в России. Напротив, именно деятельным участием в нем, во взаимодействии с ним в 1917–1922 годах искались реальные пути разрешения украинского вопроса, прогресса украинской нации. Детерминировалось это объективными обстоятельствами, которые преодолевали субъективные настроения даже многих представителей национальной элиты.

– Абсолютизация национального фактора, стремление рассматривать события в Украине исключительно под углом зрения национально–освободительных задач, особой революции, попытки искусственно отмежевать украинское движение от общероссийских и европейских революционных процессов, игнорировать их социальную слагаемую, с неизбежностью ведут к созданию умозрительных схем, отдаляющих от постижения существа реального исторического опыта. Иначе говоря, в понятном и в целом обоснованном варианте трактовки национально–освободительного движения как Украинской революции таилась опасность (своеобразная ловушка) ничем не оправданного членения органичных исторических феноменов. И именно в эту ловушку, как представляется, и попало большинство современных украинских историков.

– Прогресс в дальнейшем развитии научных исследований опыта украинского освободительного движения в 1917–1922 годах видится на путях логичной увязки различных революционных потоков – и в содержательном и, условно говоря, пространственном смыслах.

Література

1. См.: *Грушевський М.* Ілюстрована історія України. – Київ–Відень, 1921. – С.542–543; *Його ж.* Хто такі українці і чого вони хочуть // Великий Українець. – Київ, 1992. – 69 с; *Винниченко В.* Відродження нації. – Ч.І. – Київ–Відень, 1920. – С.50–51; *Винниченко В.* Відродження нації (Історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р.]). – Київ–Відень, 1920. – Ч.І. – 348 с.; Ч.ІІ. – 328 с.; Ч.ІІІ. – 542 с.; *Христюк П.* Замітки і матеріали до історії української революції. – Прага, 1921–1922. – Т.І. – 152 с.; Т.ІІ. – 200 с.; Т.ІІІ. – 160 с.; Т.ІV. – 192 с.; *Шатовал М.* Велика революція і українська визвольна програма. – Прага, 1928. – 333 с.; *Дорошенко Д.* Історія України. 1917–1923 рр. – Т.І. Доба Центральної Ради – Ужгород, 1932. – 452 с.; Т.ІІ. Українська Гетьманська Держава 1918–1930. – 510 с.; *Лозинський М.* Галичина в рр. 1918–1920. – Прага, 1922. – С.67–73; *Мазепа І.* Україна в огні й бурі революції 1917–1921. – Т.1. – Центральна Рада. – Гетьманщина. – Директорія. – Прага, 1942. – 217 с.; Т.ІІ. Кам'янецька доба – Зимовий похід. – 232 с.; Т.ІІІ. – Польсько–український союз. Кінець збройних змагань УНР. – 1943. – 234 с.

2. *Українська Центральна Рада.* Документи і матеріали: У 2–х т. – Т.1. – 4 березня – 9 грудня 1917 р. – К., 1996. – 580 с.; Т.2. – 10 грудня 1917 р. – 29 квітня 1918 р. – К., 1997. – 424 с.; *Український національно–визвольний рух.* Березень –

листопад 1917 року. Документи і матеріали. – К., 2003. – 1024 с.; *Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки*. – Листопад 1918 – листопад 1920 рр. Документи і матеріали: У 2-х т., 3-х ч. – К., 2006. – Т.1 – 688 с.; Т.2. – 744 с.

3. *Мирні переговори між Українською Державою та РСФРР 1918 р.* Протоколи і стенограми пленарних засідань. Збірник документів і матеріалів. – Київ; Нью-Йорк; Філадельфія, 1999. – 369 с.

4. *Грушевський М.* Глюстрована історія України. – К., 1991. – 572 с.; *Його ж.* Про українську мову і українську школу. – К., 1991. – 46 с.; *Його ж.* Очерк історії українського народу. – К., 1991; *Його ж.* Хто такі українці і чого вони хочуть. – К., 1991. – 240 с.; *Його ж.* На порозі Нової України. – К., 1991. – 128 с.; *Великий Українець.* Матеріали з життя та діяльності М.С.Грушевського. – К., 1992. – 649 с.; *Михайло Грушевський.* На порозі Нової України. Статті і джерельні матеріали. – Нью-Йорк – Львів – Київ – Торонто – Мюнхен, 1992. – 278 с.; *Винниченко В.* Відродження нації (Історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р.]). – К., 1990. – Ч.І. – 348 с.; Ч.ІІ – 328 с.; Ч.ІІІ – 542 с.; *Паралельно деякі сюжети з тригломника у 1990 і 1991 рр.* були надруковані у журналах «Наука і суспільство» та «Дніпро»; *Його ж.* Заповіт борцям за визволення. – К., 1991. – 128 с.; *Петлюра С.* Народе український. Вибрані статті, листи, документи. – Харків, 1992. – 150 с.; *Його ж.* Статті. – К., 1993. – 341 с.; *Його ж.* Вибрані твори та документи. – К., 1994. – 271 с.; *Його ж.* Статті. Листи. Документи. – К., 2006. – Т.ІV. – 704 с.; *Мазена І.П.* Україна в огні й бурі революції 1917–1921. – Дніпропетровськ, 2001: І. Центральна Рада – Гетьманщина – Директорія. ІІ. Кам'янецька доба. – 415 с.; ІІІ. Зимовий похід. ІІІ. Польсько-український союз. Кінець збройних змагань. – 334 с.; *Його ж.* Україна в огні й бурі революції. 1917–1921. – К., 2003. – 608 с.; *Дорошенко Д.І.* Історія України 1917–1923. В 2-х т. – К., 2002. – Т.І. – Доба Центральної Ради. – 320 с.; Т.2. – Українська Гетьманська Держава 1918 року. – 287 с.; *Шаповал М.Ю.* Соціологія українського відродження. – К., 1994. – 45 с.; *Литинський В.* Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму // Вячеслав Литинський. Повне зібрання творів, архів, студії. – Т.6. – Кн. І. – Київ – Філадельфія, 1995. – 471 с.; *Литинський В.* Листування. – Т.І (А – Ж). – Київ, Філадельфія, 2003. – 960 с. та ін.

5. *Грушевський М.* Спомини // Київ. – 1988. – № 9. – С.115–149; № 10. – С.131–138; № 11. – С.120–137; № 12. – С.116–139; *Винниченко В.* Щоденник // – Київ. – 1990. – № 9. – С.91–125; № 10. – С.96–110; № 11. – С.85–106; *Дружба народів.* – № 12. – С.161–205; *Скоропадський П.* Спомини. – К., 1992. – 112 с.; *Його ж.* Спогади. – Київ, Філадельфія, 1995. – 495 с.; *Дорошенко Д.* Мої спомини про недавнє–минуле (1914–1918) // Український історичний журнал. – 1992. – № 6. – С.131–142; № 7–8; С.140–146; № 9. – С.145–155; № 12. – С.152–159; 1993. – № 1. – С.131–139; № 2–3. – С.104–114; № 4–6. – С.80–92; № 7–8. – С.102–114; *Фещенко–Чопівський І.А.* Хроніка мого життя. Спогади міністра Центральної Ради та Директорії. – Житомир, 1992. – 124 с.; *Махно Н.* Воспоминания. – К., 1991. – Кн.1. – 211 с.; Кн.2. – 162 с.; Кн.3. – 184 с.; *Його ж.* Воспоминания, материалы и документы. – К., 1991. – 192 с.; *Чикаленко Є.* Щоденник, 1919–1920. – К., Нью-Йорк. – 2005. – 640 с.; *Омелянович–Павленко.* Спогади командарма (1917–1920). Документально–художнє видання. – К., 2007. – 608 с.; *Дорошенко Д.* Мої спомини про недавнє–минуле (1914–1920 роки). – К., 2007. – 632 с. та ін.

6. *Нагаєвський І.* Історія Української держави двадцятого століття. – К., 1993. – 413 с.; *Млиновецький Р.* Нариси з історії українських визвольних змагань 1917–1918. – Львів, 1994. – 571 с.; *Верига В.* Визвольні змагання в Україні 1914–1923 рр. – Львів, 1998. – Т.1. У двох томах. – Т.1. – 524 с.; Т.2. – 504 с.;

Чернецький А. Спомини з мого життя. – К., 2001. – 168 с.; Доценко О. Зимовий похід (6.XII.1919 – 6.V.1920). – К., 2001. – 376 с.; Петрів В. Військово-історичні праці. Спомини. – К., 2002. – 640 с.

7. Кучма Л. Учасникам міжнародної конференції «Центральна Рада та український державотворчий процес» // Центральна Рада і український державотворчий процес (до 80-річчя створення Центральної Ради). – Матеріали наукової конференції 20 березня 1997 р. (У 2-х ч.). – Ч.1. – К., 1997 – С.6–7; Кучма Л. До читачів журналу «Пам'ять століть». – 1998. – № 1. – С.2–3; Будівля державності можлива лише на фундаменті злагоди та порозуміння. Доповідь Президента України Леоніда Кучми на урочистому засіданні, присвяченому 80-річчю проголошення Західно-Української Народної Республіки. – Львів, 1 листопада 1988 року // Урядовий кур'єр. – 1998 – 3 листопада; Постанова Верховної Ради України «Про відзначення 125-річчя з дня народження видатного громадського, політичного діяча і письменника Володимира Винниченка // Солдатенко В.Ф. Три Голгофи. – К., 2005. – С.3–4; Про увічнення пам'яті видатних діячів Української Народної Республіки та Західно-Української Народної Республіки. Указ Президента України В. Ющенка // Урядовий кур'єр. – 2005. – 16 травня; Про заходи з відзначення 90-річчя подій Української революції 1917–1921 років та вшанування пам'яті її учасників. Указ Президента України В. Ющенка // Урядовий кур'єр. – 2007. – 18 квітня; До 90-річчя утворення першого Уряду України // http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=72875700.

8. См.: Дисертації з проблем Української революції, захищені в Україні протягом 1991–2001 рр. // Проблеми вивчення історії української революції 1917–1920 рр. – К., 2002. – С.279–294; Дисертації з проблем Української революції, захищені в Україні протягом 2001–2006 рр. // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 рр. Випуск 2. – К., 2007. – С.244–258.

9. Українська ідея. Постаті на тлі революції. – К., 1994. – 256 с.; Павленко Ю., Храмов Ю. Українська державність у 1917–1919 рр. (історико-генетичний аналіз). – К., 1995. – 263 с.; Верстюк В. Українська Центральна Рада. Навч. посібник. – К., 1997. – 344 с.; Українська революція і державність. – К., 1998. – 248 с.; Кондратюк В.О., Буравченкова С.Б. Українська революція: здобутки і втрати в державотворчих змаганнях (1917–1920 рр.). Навч. посібник. – К., 1998. – 280 с.; Українська революція: 1917 – початок 1918 рр. (Проблеми, пошуки, узагальнення). – Запоріжжя, 1998. – 264 с.; Українська революція і державність. – К., 1998. – 248 с.; Реєнт О.П. Українські визвольні змагання (поч. ХХ ст. – 1921 рік). Події на східних теренах національної території // У робітнях історичної науки. – К., 1999. – 268 с.; Рубльов О.С., Реєнт О.П. Українські визвольні змагання 1917–1921 рр. – К., 1999. – 320 с.; Солдатенко В.Ф. Українська революція. Історичний нарис. – К., 1999. – 976 с.; Українська соборність. Ідея, досвід, проблеми (До 80-річчя Акту злуки 22 січня 1919 р.). Зб. – К., 1999 – 407 с.; Курас І.Ф., Солдатенко В.Ф. Соборництво і регіоналізм в українському державотворенні 1917–1920 рр. – К., 2001. – 248 с.; Солдатенко В.Ф., Хало Л.Г. Військовий чинник у боротьбі за політичну владу в Україні в 1917–1918 рр. Наукове видання. – К., 2002. – 398 с.; Верстюк В.Ф., Солдатенко В.Ф. Революції в Україні: політико-державні моделі та реалії (1917–1920) // Політична історія України. ХХ століття: У 6-ти т. – Т.2. – К., 2003. – 488 с.; Події і особистості революційної доби. Збірник. – К., 2003. – 267 с.; Яневський Д. Політичні системи України 1917–1920 років: спроби творення і причини поразки. – К., 2003. – 674 с.; Солдатенко В., Савчук Б. Галицька армія у Наддніпрянській Україні. – К., 2004. – 213 с.; Любовець О. Українські партії й політичні альтернативи 1917–1920 років. – К., 2005. – 311 с.; Гай-Нижник П. Податкова політика Центральної Ради, урядів УНР, Української Держави, УСРР (1917–1930 рр.). – К., 2006. – 303 с.;

Ковальчук М. Невідома війна 1919 року: українсько–білогвардійське збройне протистояння. – К., 2006. – 508 с.

10. *Українська революція і державність*. Науково–бібліографічне видання. – К., 2001. – 807 с.

11. См.: *Радченко Л.О.* Сучасна історіографія національно–демократичної революції в Україні 1917–1920 рр. – Харків, 1996. – 120 с.; *Солдатенко В.Ф.* Українська революція. Концепція та історіографія. – К., 1997. – 416 с.; *Його ж.* Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.). – К., 1999. – 416 с.; *Левенець Ю., Гошуляк І.* Українська революція: здобутки і проблеми дослідження // Етнополітологія в Україні. Становлення. Що далі? – К., 2002. – С.169–190; *Капелюшний В.П.* Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно–визвольних змагань (1917–1921 рр.). – К., 2003. – 608 с.; *Солдатенко В.Ф.* Новітні видання і дослідження з історії Української революції // Актуальні проблеми вітчизняної історії ХХ ст. Зб. наук. праць, присвячений пам'яті академіка НАН України Ю.Ю.Кондуфора. – К., 2004. – Т.1. – С.237–305; *Його ж.* Доба Української революції (1917–1920 рр.) у новітній історіографії // Гілея. Науковий вісник. Філософія. Історія. Політологія. – 2005. – № 1. – С.87–151; № 2. – С.68–103; № 3. – С.50–72; *Його ж.* Актуальні теоретико–методологічні проблеми історіографічного освоєння досвіду Української революції 1917–1920 рр. // Наукові записки ПІЕНД. Курасівські читання. – 2005. – К., 2006. – С.453–465; *Його ж.* Новітні тенденції й актуальні проблеми історіографічного освоєння процесів революційної доби 1917–1920 рр. в Україні // Україна в революційних процесах перших десятиліть ХХ століття. Міжнародна науково–теоретична конференція 20–21 листопада 2007 р. – К., 2007. – С.5–24; *Те ж саме* // Український історичний журнал. – 2008. – № 1. – С.75–88.

12. См., напр.: *Турченко Ф.Г.* Новітня історія України. Ч. 1 (1917–1945). – К., 1994. – С. 6–62; *Історія України*. Навчальний посібник. – К., 1997. – С.184–243; *Історія України*. Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів технічного та природничого профілю. – К., 2001. – С.153–190; *Історія України*. Нове бачення. Вид. 3–є, доп. Навчальний посібник. – К., 2002. – С.210–269; *Бойко О.Д.* Історія України. Навчальний посібник. 3–є вид., виправлене і доповнене. – К., 2006. – С.316–367 та ін.

13. *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу: історичні есе–хроніки. У 4–х т.: Т.1. Рік 1917. – Харків, 2008. – 560 с.

14. См.: *Солдатенко В.Ф.* Историческое наследие Переяслава и поиск путей разрешения украинско–российских противоречий в ХХ веке // История русско–украинских отношений в XVII–XVIII веках (К 350–летию Переяславской Рады). Бюллетень. Вып. 2. – М., 2006. – С.36–49; *Его же.* В поисках «нового Переяслава»: попытка разрешить старые проблемы в революционную эпоху (1917–1920 годы) // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. – М., 2008. – С.134–153; *Его же.* Теоретические обоснования украинских проектов трансформации Российского централизованного государства в Федеративную демократическую республику и революционная практика 1917–1922 годов // Генеза. Науковий вісник. Зб. наукових праць. Вип.17. – К., 2008. – С.4–25.

15. См., напр.: *Буддаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – С.142,149; *Его же.* Семнадцатый век и семнадцатый год // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. Россия и Украина: вехи истории. – М., 1989. – № 8. – С.107; *Его же.* Феномен революционного национализма в России // Россия в ХХ веке. Проблемы национальных отношений. – М., 1999. – С.214; *Дикий А.* Красная свитка: неизвращенная история Украины–Руси от запорожцев до коммунистов. – М., 2007. – С.71,73,86,99;

Широкоград А. Россия и Украина. Когда заговорят пушки... – М., 2007. – С.266–269; 277–279 и др.

16. *Вільна Україна* // Великий Українець. Матеріали з життя та діяльності М. Грушевського. – К., 1997.

17. Концепція Української революції детально досліджена в монографіях: *Солдатенко В.Ф.* Українська революція: концепція та історіографія. К., 1997. – С.107–183; *Його ж.* Українська революція. Історичний нарис. – К., 1999. – С.156–201.

18. См., напр.: *Булдаков В.П.* Природа революційного націоналізму в Росії. – С.209; *Гатагова Л.С.* Межэтнічніє відносини // Росія в началі ХХ століття. – М., 2002. – С.141–142 и др.

19. См.: *Булдаков В.* Червона смута. Природа и последствия революційного насилья. – М., 1997.

20. *Українська Центральна Рада.* Документи і матеріали у двох томах. Т.1. – К., 1996. – 590 с.; Т.2. – 1997. – 424 с.; *Український національно-визвольний рух.* Березень – листопад 1917 року: Документи і матеріали. – К., 2003. – 1024 с.

21. *Вишніченко В.* Відродження нації. – Київ–Відень, 1920.

22. *Українська Центральна Рада.* Документи і матеріали у двох томах. Т.1. – К., 1996.

23. См.: *Робітничая газета* (Київ). – 1917. – 5,7 листопада; 5,8 грудня; *Селянська думка* (Тараща). – 1917. – 16 листопада; *Известия Армейского комитета VII армии.* (Проскуров). – 1917. – 20 листопада; *Народна воля.* (Київ). – 1917. – 10 грудня и др.

24. См.: *Матвієнко В.* Українська дипломатія 1917–1921 років на теренах постімперської Росії. – К., 2002. – С.62–69; 95–97; *Веденєєв Д.В., Будков Д.В.* Юність української дипломатії. Становлення зовнішньополітичної служби Української держави. 1917–1923 рр. – К., 2006. – С.81; *Кудлай О.* Створення та діяльність народного міністерства міжнародних справ Української Народної Республіки (червень 1917 – квітень 1918 рр.). – К., 2008. – С.50–57

25. *Русская жизнь* (Харьков). – 1917. – 8 грудня.

26. См.: *Ленин В.И.* I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. 3–24 июня (10 июня – 7 июля 1917 г.). Речь о войне 9(22) июня // Полн. Собр. Соч. – Т.32. – С.286.

27. См.: *Ганелин Р.Ш.* Советско–американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. – Л., 1975. – С.259; *Старцев В.И.* Немецкие деньги и русская революция: ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. 3-е изд. – Спб., 2006. – С.73–74.

28. См.: *Нариси з історії дипломатії України.* – К., 2001. – С.322; *Солдатенко В.Ф.* Українська революція й пошук зовнішньополітичних орієнтацій УНР // Україна дипломатична. Науковий щорічник. Вип. III. – К., 2003. – С.377.

29. *Дорошенко Д.* Історія України 1917–1923 рр. – Т. I. Доба Центральної Ради. – Ужгород, 1932.

30. См. подробнее: *Солдатенко В.Ф.* Третій Універсал Центральної Ради і плани федеративного переустрою Росії // Український історичний журнал, 2003. – № 4. – С.3–10.

31. *Скоропадський Павло.* Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. – Київ–Філадельфія, 1995.

32. См.: *Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П.* Українські проекти в Російській імперії. – К., 2004.

33. См.: *Вишніченко В.* Відродження нації: (Історія української революції [марень 1917 р. – грудень 1919 р.]). Ч.ІІІ. – Київ–Відень, 1920.

34. Подробнее см.: *Солдатенко В.* «Вінницькі щаблі» державного проводу УНР // Україна: минуле, сьогодні, майбутнє: Зб. наукових праць. – К., 1999. – С.3–15.

35. См.: *Симоненко Р.Г., Реєнт О.П.* Українсько–російські переговори в Москві (січень–лютий 1919 р.); Зб. документів. – К., 1996. – 85 с.

36. *Солдатенко В.Ф.* Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби. – К., 2007.

37. См.: *Винниченко В.* Щоденник // Київ. – 1990. – № 10.

38. См.: *Солдатенко В. Ф.* Епізод політичної біографії В. Винниченка: спроба повернення в Україну // Події і особистості революційної доби. – К., 2003. – С.205–250; *Його ж.* Три Голгофи. Політична доля Володимира Винниченка. – К., 2005. – С.126–202; 296–337.

39. См.: *Солдатенко В.Ф.* У пошуках соціальної й національної гармонії (ескиси до історії українського комунізму). – К., 2006. – 479 с.

40. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т.32. – С.341–342, 350–352; Т.35. – С.143–145 и др.

41. См.: *Солдатенко В.Ф.* До конфлікту Раднаркому Росії з Центральною Радою (особистісний зріз) // Події і особистості революційної доби. – К., 2003.

42. См.: *Курас І., Солдатенко В.* Ілюзії й практика національного нігілізму: погляд із сьогодення на Донецько–Криворізьку республіку // Пам'ять століть (Київ). – 2000. – № 6. – С.60–77; *Їх же.* Соборництво і регіоналізм в українському державотворенні (1917–1920 рр.). – К., 2001. – С.37–64.

43. См.: *Солдатенко В.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. – К., 2002.

44. См.: *Широкорад А.* Россия и Украина. Когда заговорят пушки... – М., 2007.

45. *Сила інтернаціоналістського гарту* (Діяльність партійних організацій України по інтернаціональному вихованню трудящих). – К., 1983.

46. См.: *Из истории образования СССР* // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 9.

47. См.: *Из истории образования СССР* // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 9. – С.194–217; *Мельниченко В.* Христиан Раковский. Неизвестные страницы жизни и деятельности. – К., 1992. – С.42–77.

Солдатенко В.Ф. Новейшие тенденции и актуальные проблемы историографического освоения опыта Украинского национального движения в 1917–1922 годах

Рассматриваются основные проблемы и тенденции историографии Украинского национального движения 1917–1922 годов. Обоснованы основные подходы к освещению истории этого периода.

Ключевые слова: историография, Украинское национальное движение 1917–1922 гг., тенденции, проблемы.

Soldatenko, V.F. New tendencies and pressing issues of assimilation from the prospect of historiography of the experience gained by the Ukrainian National movement in 1917–1922

Review of pressing issues and tendencies in the historiography of the Ukrainian national movement in 1917–1922. Substantiation of the basic approaches to illumination of the history of this period.

Key words: historiography, the Ukrainian National movement of 1917–1922, tendencies, issues.